

«Беовульф» в России:
язык древнеанглийского героического эпоса
в русском художественном переводе

Наталья Ю. Гвоздецкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ngvozhd@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются приемы отображения специфических черт языка древнеанглийской поэмы «Беовульф» в русском художественном переводе В.Г. Тихомирова: аллитерационных коллокаций, синонимических групп, композитов, эпической вариации. Эти специфические черты древнеанглийского поэтического языка передаются в переводе посредством использования выражений разной стилистической окраски – как принадлежащих высокому стилю, даже архаизмов, так и повседневных слов, близких разговорным. Вслед за древнеанглийским поэтом переводчик следует устно-эпической манере рассказа, но не сводит ее к ограниченной стилизации и не превращает в новаторский эксперимент. Переводчику удается воспроизвести способность древнеанглийского поэтического языка создавать новые композиты через создание новых «потенциальных» слов, которые передают «открытый» характер древнеанглийских синонимических систем. Русский перевод *Беовульфа* рассматривается в контексте истории английских переводов поэмы, а также изучения древнеанглийской и древнескандинавской литературы в России.

Ключевые слова: древнеанглийская аллитерационная поэзия, русский художественный перевод, язык героического эпоса, *Беовульф*, аллитерационные коллокации, синонимические системы, поэтические композиты.

Для цитирования: Гвоздецкая Н.Ю. «Беовульф» в России: язык древнеанглийского героического эпоса в русском художественном переводе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 226–239. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-226-239

Beowulf in Russia.
The language of the Old English heroic epic
in Russian literary translation

Natal'ya Yu. Gvozdetskaya
Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia, ngvozd@yandex.ru

Abstract. The paper is an attempt to analyze the methods of representing specific features of the language of the Old English poem *Beowulf* in the Russian literary translation of Vladimir Tikhomirov: alliterative collocations, synonymic groups, compounds and epic variations. These specific features of Old English poetic language are rendered in the translation through the diction of different stylistic coloring – both the high-style, even archaic words as well as the everyday words close to colloquialisms. Following the Old English poet, the translator uses the oral-epic manner of narration, neither reducing it to a limited stylization, nor turning it into an innovative experiment. The translator manages to convey the ability of the Old English poetic language to coin new compounds through creating ‘potential’ words that reveal the ‘open’ character of the Old English synonymic systems. The Russian translation of *Beowulf* is considered in the context of the history of English translations of the poem as well as studies of Old English and Old Scandinavian literature in Russia.

Keywords: Old English alliterative poetry, Russian literary translation, the language of heroic epic, *Beowulf*, alliterative collocations, synonymic systems, poetic compounds

For citation: Gvozdetskaya, N. Yu. (2020), “*Beowulf* in Russia. The language of the Old English heroic epic in Russian literary translation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 226–239, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-226-239

Постановка проблемы

Древнеанглийская героико-эпическая поэма «Беовульф», чья единственная дошедшая до нас рукопись принадлежит началу XI в., отражает древнейшие контакты англосаксов со Скандинавией еще до переселения их в Британию. Возможно, именно поэтому она оказалась созвучна эпохе господства в Англии датского короля Кнута Могучего (1016–1035). Фигура Беовульфа («боевого волка» или, если верить другой этимологии его имени, «пчелиного волка», т. е. медведя) равно принадлежит мифу и сказке, как и реалиям раннесредневековой Европы, соединяя разные культурные

миры. Уроженец Скандинавии, северной границы европейской ойкумены, достигает ее западных пределов, владений Меровингов, вместе со своим сородичем и соратником Хигелаком, упомянутым в «Истории франков» Григория Турского (Gregory of Tours, *Historia Francorum*, lib. iii, cap. 3) под именем Chlochilaichus или Chochilaicus [Klaeber 2014, p. 310], и становится известен среди североморских германских племен, вместе с которыми его слава достигает Британии. Бесстрашный мститель за смерть Хигелака оказывается победителем мифических чудовищ, погребенным в прибрежном кургане, который указывает путь мореплавателям во все стороны света – в том числе на восток, на Русь. Путь заглавного героя поэмы в русскую поэзию не менее удивителен, чем путешествие на Русь его соотечественника Рюрика, некогда положившего начало русской государственности.

«Беовульф» – это самый крупный образец древнеанглийской аллитерационной поэзии. Ее форма и содержание, восходящие к общегерманскому наследию и далекие от классических канонов, казались первым издателям несовершенными и чуть ли не варварскими (*barbaric, barbarous*) [Calder 1979, p. 3; Liuzza 2002, p. 283]. Джон Толкин впоследствии дал обоснование художественной цельности поэмы, указав на возможное аллегорическое прочтение борьбы героя с чудовищами и оценив «Беовульф» как памятник эпохи, втройне переходной: от язычества к христианству, от народного творчества к книжной учености и от устной импровизации к письменному сочинению [Tolkien 1936]. Тем не менее едва ли можно считать большим преувеличением взгляд на древнеанглийскую поэтическую речь Джорджа Хикса (George Hickes), одного из инициаторов англосаксонских штудий, который в 1705 г. назвал ее «колючей» (*spinosa 'thorny'*) [Calder 1979, p. 3]. Действительно, неискушенному читателю до сих пор трудно продираться «сквозь тернии древнеанглийского стиха» (*'through the sharp spines of Old English verse'*) [Calder 1979, p. 4].

Для носителей современного английского языка древнеанглийский столь же непонятен, как немецкий. Англосаксонская аллитерационная поэзия была изгнана из сферы высокой литературы в связи с французским господством после нормандского завоевания Англии, а последующая романизация английского языка привела к прерыванию исконной поэтической традиции. Нынешние ценители древнеанглийской поэзии, кроме специалистов-филологов, читают ее памятники исключительно в переводе.

Древнеанглийский аллитерационный стих представляет разновидность тонического акцентного стиха, где краткие строки объединяются попарно в длинные через строгие схемы аллитерации

(аллитерируют первые три или, реже, два ключевых слова в строке). Требованиями аллитерации обусловлено обилие поэтических синонимов, сложных слов (в их числе – значительное число *hapax legomena*) и эпических вариаций, из-за чего древнеанглийское поэтическое высказывание может представляться нынешнему читателю нагромождением сложных эпитетов и повторов.

В связи с этим возникает вопрос: может ли современный художественный перевод вообще передать особенности звучания и смысла древнеанглийского поэтического слова? История английских переводов не дала на него определенного ответа. В начале XIX в. Джон Коунибер (John Conybeare) предпринял попытку перевести поэму благозвучным белым стихом в духе Мильтона, однако навлек на себя критику за то, что не сумел передать ощущения ее древности [Liuzza 2002, p. 285–286]. В конце того же века Уильям Моррис (William Morris), очарованный древнеисландской литературой и германскими древностями, попытался передать стих *Беовульфа*, используя устаревшую лексику и фразеологию, однако сделал перевод, по выражению одного из критиков, еще более темным, чем оригинал [Liuzza 2002, p. 290–291]. Обе тенденции – модернизировать язык и стиль поэмы, сделав ее более привлекательной для нынешней аудитории, или же придать ей древнегерманский колорит в ущерб пониманию – оказались в конечном итоге малопримемыми для читателя.

Сложности английских переводов «Беовульфа» отчасти обусловлены структурными и стилистическими особенностями современного английского языка: богатство синонимии может быть достигнуто в современном переводе только за счет романских заимствований, сообщающих ему оттенок елизаветинской или классицистической эпохи, а модели современных композитов и фиксированный порядок слов не отвечают особенностям древнеанглийского поэтического словообразования и синтаксиса. Поэтому имеет смысл обратиться к художественному переводу «Беовульфа» на русский язык как язык иной структуры и иной литературной традиции. (Трудности перевода древнеанглийской поэзии на современный английский язык детально освещены в работе [Матюшина 2017].)

В России отрывки из «Беовульфа» в оригинале были впервые опубликованы в середине прошлого века в «Хрестоматии по истории английского языка» выдающегося филолога-германиста А.И. Смирницкого¹ [Смирницкий 1953], а первое исследова-

---

¹ *Смирницкий А.И.* Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 288 с.

ние древнеанглийского поэтического языка было предпринято в 40-е гг. XX в. М.И. Стеблин-Каменским, в дальнейшем известным филологом-скандинавистом. (Сокращенный вариант диссертации М.И. Стеблин-Каменского, посвященной изучению истоков древнеанглийского поэтического стиля, в сравнительно-типологическом и историческом освещении, опубликован позднее в: [Стеблин-Каменский 1978, с. 4–39].) В этой связи заметим, что в отечественной науке поэтика древнеанглийской литературы и далее изучалась в контексте древнескандинавской литературы. Взаимосвязь литературных истоков Англии и Скандинавии как стран, принадлежащих североатлантическому культурному ареалу, нашла отражение в продолжающемся издании «Атлантика. Записки по исторической поэтике» [Атлантика 1995]. Значительный вклад в разработку проблемы древнеанглийского поэтического языка в контексте становления древнегерманского аллитерационного стихосложения (и, в частности, древнеисландского аллитерационного стиха) внесла О.А. Смирницкая [Смирницкая 1994]. Таким образом, были созданы условия и предпосылки для комментированных научных изданий русских художественных переводов древнеанглийской поэзии, которые выполнил известный переводчик и поэт Владимир Тихомиров².

Обратимся к особенностям древнеанглийского поэтического языка и их передаче в русском переводе «Беовульфа».

Анализ материала

Героический эпос – древнейшая (первоначально устная) форма литературного творчества, хранящая коллективную память народа о значимых событиях прошлого, воплощенных в подвигах героя. Эта персонализированная история отделена от аудитории сказителя «эпической дистанцией», которая предполагает некую «запретность», удаленность событий во времени и пространстве, а также идеализацию персонажей, выступающих образцом для подражания. Несмотря на легендарную основу эпических сюжетов, представляющих как отзвуки реальных событий, так и плод неосознанного вымысла, в древности содержание эпоса принималось за правду вследствие неразвитости авторского самосознания, ориентированного на следование традиции, а не на оригинальность. Все

---

² Беовульф / Пер. В.Г. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Худ. лит., 1975. С. 27–180; Древнеанглийская поэзия / Пер. В.Г. Тихомирова, ред. О.А. Смирницкой. М.: Наука, 1982. 320 с.

это обуславливает серьезный, торжественный характер эпического слова: «В былые времена певец был носителем высшей мудрости, поэзия была одновременно и искусством, и поучением, и хранилищем знания» [Смирницкая 1982, с. 210].

Другая особенность древнеанглийского поэтического языка определяется характером поэтического творчества, находившегося на стадии перехода от спонтанной импровизации к рукописному сочинению и использованию книжных источников. Этим обусловлена его открытость к изменениям в культуре и ментальности общества, которая проявлялась в многозначности поэтической лексики и фразеологии, вытекающей из переосмысления традиционных тем и мотивов. Не будучи «низовой», древнеанглийская поэзия не была вместе с тем и сугубо элитарной, книжной (хотя записывалась в монастырях), но сохраняла тесную связь со стихией живой разговорной речи, чем обеспечивался органический синтез древней народной и нарождавшейся книжной традиции.

Наконец, особо важная черта древнеанглийской поэтической речи – семантическая функция аллитерации. Аллитерируют только слова полнозначные и преимущественно имена ключевых понятий эпоса: «звучание способствует выявлению значимостей, демонстрирует упорядоченность изображаемого эпического мира» [Смирницкая 1982, с. 196]. Древнеанглийский поэт оперирует не звуками, а созвучными знаками, подчиняя свой слух «уловлению корневых созвучий», проникая в глубинные этимологические связи слов или используя их вторичные смысловые сближения [Смирницкая 1982, с. 191].

Отсюда проистекает особый характер древнеанглийской поэтической лексики и фразеологии: поэт не только воспроизводит, но и непрерывно обновляет традиционные модели словообразования и словосочетания, никогда, однако, не превращая это в новаторский эксперимент. Древнеанглийский поэтический словарь отобразил раннюю наддиалектную форму языка (отвечавшую высокому эпическому слогу), сохраняя вышедшие из общенародного употребления архаические наименования, и в то же время постоянно обновлялся по образцу устного словотворчества за счет создания новых сложных слов, возрождавших героизирующую функцию собственных имен германских вождей [Смирницкая 1982, с. 194], которую сохраняли двучленные имена англосаксонских королей – *Æthelbert*, *Æthelstan*, *Æthelred*. Архаизмы и инновации еще не пришли в столкновение на этой стадии словесного творчества, а границы между словами и словосочетаниями оказывались подвижными. Возрождение героизирующей функции имени требовало своеобразной деавтоматизации восприятия.

Все это обнаруживается уже в том, как воссоздается в переводе словесная ткань зачина «Беовульфа»³.

В оригинале: “Hwæt, we Gar-Dena / in geardagum // þeodcýninga / þrum gefrunon // hu þa ædelingas / ellen fremedon” (1–3).

(Букв.) «Что ж, мы храбрых данов в давние дни / великих конунгов славу узнали, / как те княжичи / подвиги совершали».

В переводе В. Тихомирова: «Истинно! Исстари / слово мы слышим / о доблести данов, / о конунгах датских, / чья слава в битвах / была добыта!»

Англосаксонский поэт соединяет в аллитерирующих ударных вершинах стиха существительные *Gar-dena* «храбрых данов» и *gear-dagum* «давние дни», в то время как восклицание *hwæt* «что ж!», стереотипное начало повествования, как слово служебное, остается в позиции безударного «спада». Эпическому поэту не надо специально оговаривать общепризнанную истинность рассказа, в центре внимания – его герои, датские конунги. Иначе поступает переводчик. Адресуя свой текст аудитории, воспитанной на иных литературных примерах, он прежде всего стремится акцентировать принадлежность текста устной традиции, где старина служила залогом правды, а «слово» проистекало из слухов, молвы. Так возникает сочетание в одной долгой строке ударных слов, перекликающихся по форме и содержанию («Истинно! Исстари / слово мы слышим»); к той же цепочке подключается далее «слава» как синоним «молвы». Не забыты и те, кому принадлежит эта «в битвах добытая» слава, чьи этнические наименования («данов, датских») оказываются в переводе созвучны их «доблести»: звуковые повторы сопрягают в одно смысловое целое героев и их деяния.

Разумеется, поскольку русское ударение не закреплено за начальными корневыми морфемами, переводчик не может точно воспроизвести аллитерационные коллокации оригинала, однако довольно того, что повторы скоплений согласных, столь характерные для древнеанглийского аллитерационного стиха, слышны в переводе не только в начале, но и в середине слов, что особенно заметно при описании родоначальника датской королевской династии (4–12). В этом пассаже переводчик добавляет к собственным

³Здесь и далее древнеанглийский текст «Беовульфа» цитируется с указанием номеров строк и опущением долгот по: [Клаебер 2014]. Буквальный перевод принадлежит автору статьи. Художественный перевод В. Тихомирова; цит. по: Беовульф / Пер. В.Г. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Худ. лит., 1975. С. 27–180.

именам вождя сложный эпитет, благодаря чему трижды воспроизводится сочетание ск-, участвующее в аллитерации в оригинале: «Скильд – Скевинг – войсководитель». Другое, столь же частотное сочетание согласных (ст-) связывает воедино слова, раскрывающие мотив «взросление/явление героя»: «выстрадал – в детстве – стал разрастаться – властный». Акустическое воздействие аллитерации на читателя усиливается, во-первых, за счет повтора целых слогов (повтор с варьированием гласного: вражди – дружины – бражный), во-вторых, за счет «перевернутых» созвучий («народы – заморья – дорóгой»). Любопытно, что концовка пассажа, прославляющего вождя-победителя, содержит все указанные приемы, представляя нечто вроде «заключительного аккорда» в этом почти «музыкальном» портрете. Ср. звуковые повторы в строке «дань доставить / достойному власти».

Выразительно также описание похорон Скильда на ритуальном корабле (45–52). В этом пассаже, в отличие от предыдущего, ткань созвучий не столь плотна – в целом ряде строк они отсутствуют вовсе, но тем слышнее то единственное, варьируемое в плане гласных, созвучие, на котором строится его главная «музыкальная» тема, связанная с погребальным морским плаванием и печалью сородичей, ср.:

Стяг златотканый / высоко над ложем / на мачте упрочив, / они поручили челн теченьям; / сердца их печальны, / сумрачны души, / и нет человека / из воинов этих, / стоящих под небом, / живущих под крышей, / кто мог бы ответить, / к чьим берегам / причалит плывущий.

Тон задает здесь русское слово «печаль» с его аффрикатой (ч), повторяющейся во всех указанных словах, но и две другие согласные (п, л) находят в них отзвук, вызывая образ плывущего корабля.

Таким образом, жертвуя частностями, не достижимыми средствами русского языка, переводчик тем не менее достигает эффекта богатой в звуковом отношении поэтической речи, акцентирующей наиболее важные смыслы через звуковые повторы. Однако звуковые эффекты создают лишь атмосферу, способствующую восприятию оригинала. Особенности его содержания передаются через ряд других черт поэтического языка: разветвленные синонимические ряды, обозначающие ключевые понятия героического эпоса; разнообразные модели композитов; формульные словосочетания; метафорические перифразы; эпическую вариацию, построенную на синтаксических параллелизмах.

Легче всего передать отдельные перифразы и эпитеты, а также некоторые виды композитов и эпической вариации. Сложнее

обстоит дело с особой, но весьма типичной моделью композитов, которая включает так называемые субстантивные эпитеты. Последние трактуются как имена существительные, которые составляют первую часть композита (сложного слова), но не поддаются строго логическому определению. Так, если *hron-rad* (букв. «кит+дорога») – это «дорога китов» (т. е. море), то *Gar-dene* (букв. «копье+даны») – это не обязательно «копейные даны» (даны с копьями). Субстантивный эпитет выступает эквивалентом не относительного, а качественного прилагательного, смысл которого, в зависимости от контекста, допускает весьма широкое толкование.

В хвалебном зачине «Беовульфа», прославляющем подвиги датских вождей, форма *Gar-dena* может быть истолкована как наименование «храбрых, воинственных данов», где копье – символ войны и всех ее атрибутов. Синкретизм значения субстантивного эпитета [Стеблин-Каменский 1978, с. 27–28] почти не поддается передаче в переводе, ибо число таких эпитетов в древнеанглийском поэтическом языке гораздо больше, чем весьма ограниченное число аналогичных русских фольклорных выражений (бой-баба, жар-птица, царь-девица). Поэтому В. Тихомиров чаще всего опускает подобного рода композиты (*Gar-dena*, *gear-dagum*, *ƿeod-cyninga*, *weorð-myndum*, *gar-secg*), хотя иногда и находит им своеобразный эквивалент. Так, композит *meodo-setla* (букв. «медовых скамей») отсылает к обычаю древних германцев пить на пирах медовые напитки. Однако связь скамей и меда весьма опосредованна – мед выступает символом пира и его атрибутов. Удачным эквивалентом эпитета «медовый» оказывается в переводе эпитет «бражный», поскольку ассоциируется не только с брагой (пьянящим напитком), но и с дериватами «бражник» (пьяница, гуляка), «бражничество» (веселое разгулье). Эпитет «бражный», обладающий слегка презрительным оттенком, как нельзя лучше подходит к описанию врагов Скильда Скевинга, которых он хочет лишить «скамей бражных», то есть призвать от мира и веселья на битву.

Наибольшую трудность представляет передача поэтических синонимов, число которых в древнеанглийском поэтическом языке значительно превышает возможности русского словаря, тем более что многие современные слова вызывают ассоциации, не отвечающие героико-эпической картине мира. Так, воин в героическом эпосе может быть назван воителем, но не солдатом, в силу более узкого, специального значения последнего слова. Отказ от умножения синонимических рядов в переводе оправдан тем, что обилие древнеанглийских поэтических синонимов до известной степени вызвано нуждами аллитерации, а не только потребностью в красочном описании. Так, в эпизоде морского путешествия (210–224а)

воины получают разные наименования – *beorn*, *secg*, *guma*, *weg*. Поскольку, однако, между ними трудно провести семантическое различие, то в переводе они именуются просто воители или дружина.

Вместе с синонимами уходят из перевода и некоторые совершеншаемые воинами действия, остается только «вступили на борт» (в оригинале они еще «несли доспехи» и «столкнули [на воду] корабль»). Зато бóльшая активность, нежели в оригинале, отводится кораблю, который «ждал» воителей, «отчалил», «понес» дружину, «летел по хлябям». Очевидно, это оправдано тем, что в оригинале корабль, наряду с простыми и не дифференцированными по смыслу именами (*flota*, *bat*, *þasa*), наделяется яркими, в том числе персонифицирующими, эпитетами – в форме композитов (*famigheals* *букв.* «с пеной у шеи, пенно-шей», *wundenstefna* *букв.* «с изогнутым носом»), описательных перифраз (*wudu bundenne* *букв.* «дерево крепленое», *winde gefysed* «ветром гонимый») или сравнений (*fugle gelicost* «птице подобный»). В переводе персонификация достигается не только за счет сравнения с птицей, но и за счет введения образа коня («конь пеногрудый»), встречающегося в других контекстах («морской конь» – метафора корабля), и образа дракона («драконоголовый»), намекающего на древнескандинавский обычай помещать на носу ладей резную фигуру дракона. Более персонифицирующий характер приобретают эпитеты: «дерево крепленое» заменяется на «упругоресный» – выражение, подсказанное, возможно, метафорой *on bearm þasap* «на грудь корабля». Введена также персонификация моря, которое в оригинале хоть и представлено как буйная стихия (*streamas wundon*, *sund wið sande* *букв.* «потоки бились, пролив о песок»), но не наделяется свойствами живого существа, как в переводе («струи прилива песок лизали»). А «волнующееся море» (*wæg-holm*) превращено в опасные «хляби» – видимо, с целью подобрать русское слово, наделенное отрицательными коннотациями и вместе с тем близкое просторечию.

Синонимические ряды в древнеанглийском поэтическом языке расширяются не только за счет простых, но и сложных наименований (композитов) с варьируемым первым компонентом. Приведем примеры. Композит *þeod-cyning* (*букв.* «племя-вождь»), применяемый к датским вождям в зачине «Беовульфа», допускает десятикратное варьирование первого компонента. В других местах поэмы встречаем: *beorn-*, *eorð-*, *folc-*, *gud-*, *heah-*, *leod-*, *sæ-*, *soð-*, *worold-*, *wuldur-cyning*. Лишь в двух случаях первый компонент может трактоваться как логическое определение, ограничивающее значение целого: *sæ-cyning* (*букв.* «море-вождь») – это предводитель морской дружины в отличие от правителя племени; *soð-cyning* (*букв.* «истина-вождь») – это Бог. В остальных случаях

субстантивный эпитет обозначает типический признак власти вождя (ее пределы, объект или характер) и может получать самое широкое контекстуальное осмысление. Чаще всего субстантивный эпитет указывает на объект власти, символически трактуемый как знак величия – правитель воинов-героев (*beorn*), народа-племени (*folc*, *leod*, *þeod*), земли (*eorðe*) и мира (*worold*). Подобные примеры мало чем отличаются по смыслу от других, где первый компонент более явным образом указывает на присущие вождю качества: *gið-cyning* (*букв.* «битва-вождь») «воинственный вождь», *heah-cyning* (*букв.* «высокий вождь») «великий вождь», *wuldur-cyning* (*букв.* «слава-вождь») «славный вождь». Называя датских вождей *þeod-cyningas* в хвалебном зачине *Беовульфа*, поэт имеет в виду не принадлежность их отдельному племени, но их величие.

Выступая в целом в обобщающей функции украшающих эпитетов, первые компоненты подобных композитов иногда могут иметь некоторые тонкие смысловые оттенки. Вероятно, неслучайно композит *worold-cyning* (*букв.* «мир/вселенная-вождь») применяется лишь к Хродгару и Беовульфу, ибо только они представлены в поэме как идеальные образцы правителей: Хродгар – вследствие своей мудрости и масштабности деяний, Беовульф – вследствие превышающих человеческие силы побед над чудовищами. Переводчик, чуткий к смысловым оттенкам, использует при передаче этого композита форму превосходной степени прилагательного (это оправдано тем, что в оригинале композит дополняется такой же формой), ср.:

...драгоценность, / искусно выкованная, / отошла во владение / к
наилучшему / на земле междуморской, / к достойнейшему / из дари-
телей золота, / к датскому конунгу (1682–1686).

В подобном же контексте выступает указанный композит при посмертном прославлении Беовульфа (3178–3182), где ему сопутствуют целых четыре формы суперлатива. Переводчик не находит возможным передать все эти формы, но компенсирует смысловые потери за счет богатых величальными коннотациями словосочетаний «владык земных» и «славы всевековой». Осталось без перевода обозначение домочадцев *heorð-geneatas* (*букв.* «очаг+сотоварищи»), а сложные эпитеты *mon-ðwægust* (*букв.* «благороднейший по отношению к людям») и *lof-geornost* (*букв.* «жаждущий славы») переданы описательно: «любил народ свой / и жаждал славы» (3181–3182). Можно, однако, заметить, что эти отдельные опущения восполняются через иные новации, звучащие по-русски столь же свежо и непосредственно, как и указанные композиты (не столько воспроизводимые, сколько сочиняемые древнеанглийским поэтом

всякий раз заново), ср. «ратеначальник» (по аналогии с «военачальник» и «ратоборец») и эпитет «славы» – «всевековечной». К тому же разряду «потенциальных» сложных слов, заново создаваемых переводчиком, относятся такие примеры, как «войсководитель», «всевластный», «упругорребрый», «пеногрудый», «драконоголовый».

Таким образом, переводчик стремится воспроизвести не столько конкретные модели сложных слов, сколько «неоскудевающую способность древнеанглийского поэтического языка к словотворчеству» [Смирницкая 1982, с. 193].

Выводы

Звуковые узоры древнеанглийской аллитерации и ее знаковую функцию трудно передать средствами русского языка из-за отсутствия в нем как обязательного корневого ударения, так и отработанного запаса аллитерационных коллокаций. Поэтому возможным представляется лишь воспроизведение звуко-смысловых притяжений, возникающих между словами в повествовании, а также неиссякаемого стремления поэтического языка к словотворчеству.

Перевод В. Тихомирова является удачной попыткой воссоздания посредством русского языка мотивированных звуковых связей древнеанглийской поэтической фразеологии и являет собой блестящий опыт освоения поэтической речи англосаксов на русском языковом материале. Вслед за древнеанглийским поэтом переводчик следует устно-эпической манере рассказа, не сводя ее к ограниченной стилизации, но и не превращая в новаторский эксперимент.

Архаизация языка, необходимая при передаче традиционного искусства, выглядит в переводе В. Тихомирова как органичное обогащение живой импровизации (припоминание традиции), а последняя воспринимается как естественное растяжение границ поэтического канона. Для передачи этих языковых особенностей используются как слова возвышенные, даже устаревшие, так и слова разговорные, близкие просторечию. Разумное соединение этих начал русской речи в переводе позволяет отобразить многообразие функций древнеанглийского поэтического текста, который был в свое время и персонализированной историей, и поучением, и просто занимательным рассказом. Русский перевод позволяет отобразить эти достоинства древнеанглийской поэзии благодаря множественности истоков самого русского поэтического языка, который вобрал в себя лексическое богатство и устного народного творчества, и церковнославянской книжности.

Обширные синонимические ряды древнеанглийского поэтического языка не могут быть полностью воспроизведены в русском переводе, однако в данном случае русский переводчик оказывается в выигрышном положении по сравнению с переводчиком английским, поскольку может «позволить себе в поисках эквивалента древнеанглийского поэтического стиля разведывать глубины своего языка без опасения нащупать слишком близкое дно» [Смирницкая 1982, с. 176]. И здесь В. Тихомирову удался эксперимент по созданию «потенциальных» архаических слов, способных передать главную особенность древнеанглийских синонимических систем – их открытость. Вокабуляр его перевода «Беовульфа» может рассматриваться и как создание некоего «канона» переводческой техники древнеанглийского поэтического слова, и как своеобразная «копилка» переводческих ресурсов, полезная для переводов других памятников поэтического искусства англосаксов или похожих памятников древней словесности других народов.

Литература

- Атлантика 1995 – Атлантика. Записки по исторической поэтике / Отв. ред. О.А. Смирницкая, Т.А. Михайлова. Вып. 1–16. М.: МАКС Пресс, 1995–2019.
- Матюшина 2017 – *Матюшина И.Г.* О переводе древнеанглийской поэзии на современный язык // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 284–301.
- Смирницкая 1982 – *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / Пер. В.Г. Тихомирова, ред. О.А. Смирницкой. М.: Наука, 1982. С. 171–232.
- Смирницкая 1994 – *Смирницкая О.А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. М.: Филология, 1994. 484 с.
- Стеблин-Каменский 1978 – *Стеблин-Каменский М.И.* Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии (К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля) // Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. С. 4–39.
- Calder 1979 – Calder D.G. The Study of Style in Old English Poetry: A Historical Introduction // Old English Poetry: Essays on Style. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1979. P. 1–65.
- Klaeber 2014 – *Klaeber's Beowulf and the Fight at Finnsburg* / Ed. by R.D. Fulk, Robert E. Bjork, and John D. Niles. 4th ed. Toronto: Toronto University Press, 2014.
- Liuzza 2002 – *Liuzza R.M.* Lost in Translation: Some Versions of Beowulf in the Nineteenth Century // English Studies. 2002. Vol. 4. P. 281–295.
- Tolkien 1936 – *Tolkien J.R.R.* The Monsters and the Critics // Proceedings of the British Academy. 1936. Vol. 22. P. 245–295.

References

- Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike* (1995–2019), vyp. 1–16, otv. red. O.A. Smirnitckaya, T.A. Mikhailova [Atlantic. Notes on Historical Poetics, iss. 1–16, eds. O.A. Smirnitckaya, T.A. Mikhailova], MAKS Press, Moscow, Russia.
- Calder, D.G. (1979), “The Study of Style in Old English Poetry: A Historical Introduction”, *Old English Poetry: Essays on Style*, University of California Press, Berkeley and Los Angeles, California, pp. 1–65.
- Klaeber's Beowulf and the Fight at Finnsburg* (2014), 4th ed., Fulk R.D., Bjork Robert E. and Niles John D. (eds.), Toronto University Press, Toronto, Canada.
- Liuzza, R.M. (2002), “Lost in Translation: Some Versions of Beowulf in the Nineteenth Century”, *English Studies*, vol. 4, pp. 281–295.
- Matiushina, I.G. (2017), “Concerning the Translation of Old English Poetry into Modern Languages”, *Novyy filologicheskii vestnik*, no. 4 (43), pp. 284–301.
- Smirnitckaya, O.A. (1982), “Poetic Art of Anglo-Saxons”, Transl. by Tikhomirov V.G., Smirnitckaya O.A. (ed.), *Drevneangliyskaya poeziya*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 171–232.
- Smirnitckaya, O.A. (1994), *Stikh i yazyk drevnegermanskoy poezii: v 2 t.* [Verse and Language in Old Germanic Poetry. In 2 vols.], Filologiya, Moscow, Russia.
- Steblin-Kamenskii, M.I. (1978), “Substantive Epithet in Old English Poetry (Concerning the Development of the Old English Poetic Style)”, *Steblin-Kamenskii M.I. Istoricheskaya poetika*, Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, Leningrad, Russia, pp. 4–39.
- Tolkien, J.R.R. (1936), “The Monsters and the Critics”, *Proceedings of the British Academy*, vol. 22, pp. 245–295.

Информация об авторе

Наталья Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ngvozd@yandex.ru

Information about the author

Natal'ya Yu. Gvozdetckaya, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ngvozd@yandex.ru